

**ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В. В. ПИМЕНОВА
«ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ЭТНОГРАФА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ»***

В наши дни о путях и средствах совершенствования высшей школы пишут много, вдумчиво, остро. И в самом деле, нельзя же профессиональный опыт университетов, институтов и кафедр, сложившийся в 30-е годы и в первые послевоенные десятилетия, считать незыблемым фундаментом разносторонней работы с учащейся молодежью сейчас, во времена крупнейшей перестройки общественной жизни советского народа. Правда, некоторые импульсы к преобразованию высшей школы, в частности ее социально-гуманитарного подразделения, ощущались и раньше, в 70-е и в начале 80-х годов. Тогда был поднят вопрос о внедрении методики проблемного (опирающегося на ключевые положения науки) обучения как фактора активизации творческих начал в процессе раскрытия существа различных дисциплин, а также о давно назревшей потребности в перестройке структуры и содержания учебного процесса в целом.

Эти веяния непосредственно коснулись и этнографического обучения в вузах страны. Так, на базе кафедры этнографии Московского университета в минувшие годы проводились координационные совещания преподавателей этнографических дисциплин с целью улучшения многих слагающих учебно-этнографического цикла в системе исторического образования в университетах и пединститутах. Участники обсуждения подчеркивали, что современная этнография развивается в тесном содружестве с историей и социологией и при этом не утрачивает своей научно-предметной и учебной ориентации на постижение этнически особенных явлений и структур в общественных процессах настоящего и прошлого. Раздавались голоса в пользу создания своего рода типовой развернутой программы учебной подготовки молодых этнографов, которая хотя бы на уровне эмпирической систематизации вузовского опыта показала, что же на самом деле представляет современная этнография. Данный вопрос актуален и сегодня, только решать его, по нашему глубокому убеждению, следует на более высоком уровне содержательно-сущностного анализа и синтеза уже известных и практически предполагаемых компонентов целостного (системно организованного) этнографического обучения. Конкретизация идеи формирования такого рода учебно-профессиональной познавательной системы и есть, на наш взгляд, основной предмет начавшейся на страницах «Советской этнографии» дискуссии о статусе этнографии в наших вузах.

Важнейшей посылкой в этом научном споре представляется утверждение о том, что отечественная этнография останется и впредь, даже в еще большей степени, дисциплиной не только общегуманитарного, но и подчеркнуто исторического характера. И это несмотря на проникновение в состав ее познавательных средств некоторой совокупности установок и методик социальной инженерии с целым рядом статистических «приложений». Формирующаяся самостоятельно этносоциология не подменяет и не упраздняет исторических оснований предме-

* Начало дискуссии см. «Сов. этнография». 1988. № 3, 4, 6.

та и методологических подходов современной этнографической науки. В системе этнографических знаний этносоциология — только одна из составных частей конкретного познания единой социально-этнической деятельности. Да и сам термин «этносоциология» подразумевает сложную соотнесенность двух различных уровней анализа и обобщения, один из которых представляет собой наиболее общий «социологический» подход, а другой — более конкретный социокультурный и более специфический этнокультурный в неразрывном единстве.

Современная этнография на исторических факультетах вузов все более стремится не только к внешнеописательному, но и к сущностному определению своего расчленившегося на многие рубрики учебно-научного предмета. Теперь уже мало сказать, что непосредственный предмет этнографии — это культурно-бытовые особенности народов. Вернее, наша наука изучает этнически особые формы (явления и процессы, специфические свойства, отношения, связи и интегральные структуры) исторического бытия народов. «Базовые единицы» этнографического изучения — это всегда находящиеся на конкретно-историческом уровне развития целостные этнические общности — «этноты» (они же — в «родо-видовом» системном измерении — социально-исторические «организмы» со специфическим характером языка, образа жизни и культуры). Предметная область этнографии в универсальном понимании — эмпирически фиксируемая многообразная «этнографическая картина мира» и теоретически раскрываемая и объясняемая «этническая структура человечества» как мировая система и совокупность «системных комплексов» (по-особому интегрированных общностей) исторически различных, многосторонне связанных и взаимодействующих этносов. Эти системного порядка конкретные образования характеризуются социокультурной и этноисторической динамикой — противоречивым движением и преобразованием собственных этнических традиций и межэтнических контактов, инкорпораций и синтезов. Реальным социогенетическим базисом всех этих общностей и процессов выступает их специфическое материальное основание — «субстанция» всех существенных внутренних отношений, порождаемая исторически определенными способами производства в самом широком смысле. В динамических структурах этих способов производства и воспроизводства общественной жизни совершается непрерывный обмен человеческой деятельности, передача от одного субъекта к другому (индивиду, поколению) накопленных материализованных «сущностных сил», осуществляется динамическое единство форм унаследованной и порождающей деятельности, т. е. всего того, что «субстанциально» характеризует любой тип культуры (в том числе культуры с более или менее отчетливым этноспецифическим выражением).

Эти научно-диалектические послышки существенно «перекодируют» привычные представления о теоретических «основах общей этнографии», принятые в вузовской практике. Но для того, чтобы этнографический цикл учебных предметов в еще большей степени укоренился в системе общеисторического образования, необходимо умение более квалифицированно «вписывать» его в актуальную проблематику единства и многообразия мирового исторического процесса. Напомним, что многие поколения исследователей работали над объяснением главного парадокса человечества, суть которого обнаруживается в наличии общих черт и закономерностей в развитии народов всех континентов при очевидном различии их конкретной истории, образа жизни, культурно-бытовых традиций и т. п. Диалектический материализм установил, что единство человеческой истории есть единство ее многообразия: общие законы истории, придающие развитию человечества характер единого, целостного, естественноисторического процесса смены формаций, существуют и действуют не сами по себе, а в конкретной истории различных и разнотипных человеческих (не исключая, конечно, и этнических) общностей¹.

Могут сказать, что приведенные положения общеизвестны. Конечно, но по большей части на уровне философского, «истматовского» знания. Вузовский опыт чаще свидетельствует о том, что этнографические предметы существуют

«сами по себе» и даже пропагандируются как наиболее «занимательные», т. е. изобилующие «экзотическими» подробностями быта народов, вопреки необходимости видеть во многообразии и внешней красочности этнографических сюжетов все ту же по-марксистски понимаемую «специфическую логику специфического предмета» — специфическую сущность и закономерности развития этнографических объектов. По ходу учебной подготовки и в самостоятельной исследовательской практике этнограф обязан овладевать диалектикой многосложного исторического процесса — действительной диалектикой, роднящей по основным параметрам общественного бытия и различающей по конкретным обстоятельствам жизнедеятельности исторически особенные этнические общности.

Применение диалектики к научному познанию становится магистральным путем научного, в том числе этнографического, мышления, основы которого закладываются по большей части в вузе. Тем большая ответственность возлагается на высшую школу в деле формирования «объемной» (во многих проекциях — аспектах) модели этого мышления. Размышления на сей счет подсказываются и вполне определившимся планом перехода высшей школы от экстенсивно-информационного типа обучения к *и н т е н с и в н о - ф у н д а м е н т а л ь н о м у*, включающему и фундаментальное знание, и приемы активного познавательного поиска, и соответственно вытекающие из первого и второго прикладные методы и процедуры. По всей вероятности, в учебной практике решающее значение будет иметь такое специальное знание, которое структурно и по содержанию будет носить форму не только частно-предметных объяснений или даже совокупности таких объяснений (что давно предусмотрено учебным планом), но и характер четко выраженной, концептуально обоснованной, логически расчлененной на составляющие «предметные» блоки, последовательной и связанной в изложении системы знаний о конкретной предметной области.

Исходное знание будет обладать высоким познавательным потенциалом лишь при условии постоянной обратной связи его с расширяющимся объемом эмпирической информации по профилирующей специальности.

В таком оптимальном ракурсе вузовская этнография не может быть только чисто учебным предметом, ее задача — совершенствоваться также в качестве специализированной дисциплины, занимающейся самостоятельным научным поиском по более широкой программе, обязательно включающей в себя и подготовку учебно-информационных, учебно-методических и даже теоретико-методологических пособий. Ни в коем случае нельзя занижать познавательный статус этнографии как исторической науки, хотя в ней издавна имеются значительные «прикладные» области. В действительности на переднем крае нашей науки осуществляется весьма перспективный переход от традиционно апробированных историко-генетических и историко-сравнительных анализов и объяснений к более современным «историко-типологическим» и «историко-системным» построениям². Названные способы в совокупности вполне обеспечивают по-настоящему комплексное, разностороннее и проникающее в самую суть этнографических явлений и процессов содержательное понимание их настоящего, прошлого и будущего.

Впрочем, существуют и иные предложения: не мудрствуя лукаво, т. е. не отягощая себя разработкой новых принципов и методологических средств для поднятия «старой» эмпирической этнографии на теоретически более высокий уровень, решительно «осовременить» вузовскую этнографию за счет прямых эвристических и технологических заимствований со стороны. Выдвигается целый ряд по-своему «престижных», культурологических и социологических гипотез, которые вроде бы не требуют критической апробации в рамках исторической методологии, а напротив, как бы сразу вносят в этнографию желательные параметры мировоззренческого характера.

К примеру, наше внимание обращают на возможность актуализации этнографических исследований и объяснений посредством внедрения соотносительных понятий «человеческий фактор» и «этнический фактор» в структурах об-

раза жизни народов. Спора нет, означенные категории применимы и в этнографии, но их детонат по-настоящему «сработает» лишь тогда, когда наша наука примется за разработку продуктивной концепции человеческого бытия в его конкретно-всеобщих (формационных) и конкретно-особенных (локально-исторических и этнических) формах³. Проблема активизации человеческого фактора в общественной жизни имеет не только структурно-функциональное, но и этноисторическое содержание. Чтобы научить студента сознательно пользоваться социально-операциональной терминологией и методикой, следует в качестве обязательного «предпосылочного знания» предложить ему развернутую, даже «философски нагруженную», программу целостного социально-гуманитарного понимания действительности.

В наше время, когда происходит научно-техническая революция, и в вузовской этнографии множится число специальных прикладных разработок. Но, как говорится, всему новому в учебном процессе должна быть найдена своя общесоциологическая и профессиональная «мера». Относительная доступность (при всей технологической трудоемкости) исследовательских приемов «статистического видения» этнографических объектов порождает иллюзию, что именно эти опыты способны наиболее эффективно и точно раскрыть этническую специфику способов жизнедеятельности различных совокупностей людей. Но ведь факты этнической специфики не так очевидны и доказуемы, если они взяты прямо «с поверхности» социально-бытовой эмпирической реальности и как-либо количественно измерены. Самое простое — назвать их «этносоциальными» в пространственно очерченных «этнических средах» или «этнически опосредованными» в обычных социальных процессах. Смеем утверждать, что этнически-особенное — это не только внешне различное, но и специфически обусловленное в конкретных социально-исторических системах, а поэтому и интегральное — сложно организованное и детерминированное — в своей качественной определенности. Когда мы говорим о совокупностях этнических отличительных свойств отдельных народов, то имеем в виду целостные «комплексы этничности», подлежащие сущностно-содержательному, качественному анализу⁴. Под таким углом зрения специфика этнического постигается как особый феномен порождающих социально-исторических систем, а для этого приемы «статистического видения» в синхронии, в эмпирических показателях «по текущему счету» явно недостаточны. Изучение этнических процессов должно совершаться не только с учетом их «индивидуальной» («самой по себе») количественной меры, но и посредством раскрытия определяющих социально-экономических доминантных факторов и движущих сил, т. е. в ракурсе форм мышления «по большому счету».

Данная мысль имеет прямое приложение ко всему учебно-этнографическому процессу, до сих пор еще предельно насыщенному наглядной эмпирической «предметностью». Пришла пора позаботиться о достижении предметного и концептуального единства этнографического знания и познания. Любые предлагаемые к освоению онтологические, «бытийные факторы» (тем более «механизмы многофакторного действия») и технические средства их анализа на уровне студенческого восприятия реально постижимы тогда, когда они рассматриваются в понятийно хорошо организованной системе знания. Важнейшая практическая функция этой системы — активное многоступенчатое движение от абстрактного к конкретному, от эмпирического к теоретическому, от основных положений и выводов исторической этнографии к фактам и закономерностям этнографии современности. Этнографически изучаемая современность представляет не только собрание культурно-бытовых фактов, существующих «здесь» и «сегодня», но и особенные формы социально-организационного и культурно-исторического развития, которые заключают в себе указания на специфику предшествующего и на характер последующего развития. Насущная задача вузовской этнографии — научить студенчество видеть эти факты, комп-

лексы и процессы в ракурсах марксистского обществоведения и современной многоуровневой этнографии.

И последнее — по месту, но не по значению. Хотя у академической и вузовской этнографии много общего до такой степени, что подчас трудно разграничить «специфическую логику» той и другой на общедисциплинарном уровне, все-таки можно указать и на различия в формах и средствах трансляции профессионального мышления. В текущей печати нашей высшей школы усиленно пропагандируются методы проблемного преподавания, суть которого заключается в том, что, если мы хотим, сообщая учащимся определенную совокупность общих и специальных знаний, в то же время выработать у них у м е н и е не только использовать, но и самостоятельно формировать и развивать их, мы должны пройти вместе с ними весь путь с т а н о в л е н и я этого знания⁵. В конечном итоге необходимо добиться освоения не только содержания, но также истории, логики и методов формирования этнографического знания.

Многолетний опыт автора убеждает, что нет, пожалуй, лучшего способа научения молодежи, как последовательное раскрытие на занятиях исторической и логической динамики роста этнографического познания по тем или иным фундаментальным вопросам, в ходе которого вырисовываются новые горизонты и формируются выходящие за рамки этнографической деятельности содержательно-теоретические смыслы. Освещая путь науки как единую цепь возникновения и смены все новых проблемных ситуаций, мы стремимся не только упорядочить форму изложения специального материала, но и создать стимул к его самостоятельному освоению учащимися. Да мы и сами способствуем возникновению учебно-проблемных ситуаций, когда преднамеренно строим модели предлагаемых предметов, в которых находит выражение весь процесс научного поиска в данной области, начиная от возникновения данной проблемы и кончая ее решением в форме фактического итога, продуктивной идеи или даже целой теории. В реальной учебной практике нет познаваемого предмета без концептуального обоснования поиска, равно как нет и теории, не опирающейся на постоянно возрастающий базис фактического знания.

Развитие мышления студента-этнографа включает в себя не только общеобразовательные установки, но осуществляется также на уровне о с о б е н н о г о, профессиональной ориентации в теоретической подготовке будущего специалиста. Видимо, это целая, хотя еще и слабо развитая, дисциплина, вычлняющая и фиксирующая методологические приемы и логику собственного функционирования. Думается, ведущие специалисты преподавания этнографии в вузе вплотную приступят к профессиональному осмыслению и освещению закономерностей и гипотез развития своей предметной области. А здесь в заключении мы укажем только на те принципиального характера нормы познания, без которых нет вообще этнографического образования. Это «три первых принципа»: р а ц и о н а л ь н о с т ь, в с е с т о р о н н о с т ь воспроизведения познаваемых предметов (целостных явлений, их структур и процессов движения), к о н к р е т н ы й и с т о р и з м.

Лежащая в основании научного и учебного познания рациональность есть прежде всего совокупность правил, эталонов, допущений и процедур, обеспечивающих объективность и результативность с и с т е м а т и ч е с к о г о п о з н а н и я разного рода объектов. Рациональность есть способ организации эмпирических данных об объектах, а также и мыслительное средство обнаружения системности, внутренне присущей всем объектам реальной действительности (рационально понимаемой и в разрезе многочисленных задач этнографического изучения). В этнографии, как и в любой развитой науке, «предметом изучения являются объекты и процессы реальной действительности и логика мышления, следующая специфике объекта, сращенная с ним, подчиненная задачам его исследования»⁶. Ныне много говорят об операциональности (конкретной методике) тех или иных предметных областей науки, но этому всегда предшествует хотя бы первичная разработка онтологических схем «непосредственно

данного» его фактических реальных структур, процессов и связей, которые и выступают исходными «параметрами», «блоками» для построения познавательных моделей. Этого никогда не следует забывать при попытках конструирования любых поисковых и более фундаментальных моделей в этнографии.

Всестороннее научно-познавательное воспроизведение объекта очень важно в этнографии, в частности в ее преподавательской практике, в которой по традиции велико увлечение эмпирической «полнотой» обобщающих характеристик предметов. Важнейшее требование данного принципа — это углубление познания до выявления конкретной субстанции исследуемых явлений и процессов. В отношении этнических общностей и этнических процессов — это всегда раскрытие существенных (необходимых) сторон и структур, определение той фундаментальной — субстанциальной, системообразующей — общественной связи, которая и детерминирует специфическое содержание данной общности и данного процесса.

О том, что процесс и результат познания должны носить конкретный характер, знает каждый начинающий этнограф. Однако конкретное в познании нельзя свести лишь к его эмпирической основе, ибо важнейшим условием конкретности являются не факты сами по себе, а факты, взятые в их связи, в их целостности, а этого не достичь только посредством группировки и описания эмпирических фактов. Здесь необходимо применение хорошо объясняющей факты историко-этнографической теории, положения которой как раз и направлены на постижение конкретно-исторической специфики развивающихся объектов. Любые попытки построения «всеобщей теории» этнического развития народов мира, минуя конкретно-исторический (универсально-формационный и регионально-формационный) подход, обречены на неудачу, на блуждание в дебрях абстрактных формулировок.

Идеал достижения полного и конкретно-истинного знания всегда служит маяком в рационально и всесторонне поставленной вузовской этнографии. Очень хорошо сказал наш современник-философ: «В этом смысле конкретное выступает и как конкретно-историческое, и как системное, и как синтез, наиболее содержательное и богатое определениями знание, адекватное реальным формам действительности»⁸. Этнографическое знание, повторяем, отличается богатством эмпирического содержания, но уже припела пора подняться ему на уровень широчайших обобщений и синтезов, выступающих приоритетными формами создания практически-истинных знаний. Это и будет главной приметой действительной перестройки в области советской этнографической науки.

Л. П. Лашук

Примечания

¹ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981. С. 207.

² См. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 170—191.

³ См. Крутова О. Н. Человеческий фактор: социально-философский аспект // Вопр. философии. 1987. № 8; Каган М. С. Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития человека // Вопр. философии. 1987. № 10.

⁴ Ковальченко И. Д. Указ. раб. С. 186, 308—309.

⁵ Теоретические вопросы методики преподавания // Филос. науки. 1987. № 5.

⁶ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 10.

⁷ Барг М. А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопр. философии. 1983. № 8. С. 112.

⁸ Кузьмин В. П. Указ. раб. С. 106.

Статья В. В. Пименова о задачах развития вузовской этнографии на современном этапе очень важна и актуальна. Остановлюсь на некоторых дискуссионных моментах этой статьи.

Признавая правильным утверждение автора, что целью университетского этнографического образования должно быть формирование кадров широкого профиля, ориентированных на значительную профессиональную мобильность, следует прямо сказать, что кафедры этнографии еще не стали центрами подготовки специалистов, способных работать по крупным направлениям этнографической науки. Где как не на кафедре этнографии можно, например, подготовить специалиста по такой комплексной проблеме, как этногенез, имеющий исключительно важное научно-теоретическое и политическое значение? Этой проблемой сейчас активно занимаются преимущественно археологи, антропологи, языковеды. Между тем в учебном плане кафедр этнографии нет спецкурса по теоретическим проблемам этногенеза и этнической истории. Среди «приоритетных» направлений развития вузовской этнографии достойное место, вне сомнения, должны занять также вопросы, непосредственно связанные с «традиционной» культурой народов, ее истоками. Здесь много еще актуальных задач, требующих решения. Нельзя изучать современность, не зная прошлого.

На мой взгляд, в учебной программе ведущей этнографической кафедры страны превагирует изучение культуры и быта народов по регионам, тогда как построению учебных курсов по проблемному принципу уделяется меньшее внимание. Не вполне понятно, в частности, зачем при наличии дефицита часов растягивать курс лекций «Этнография зарубежных стран» на четыре семестра? Не менее важны лекции по теоретическим проблемам этноса, практике использования прогрессивных традиций, современной обрядности, критике буржуазно-националистических и расистских концепций и т. д.

Региональная система изучения этнографии должна сочетаться с проблемной. Мало того, последняя должна преобладать, ибо специалисты могут объединиться только на основе интересов по проблемам. Не случайно, в последние годы на всесоюзных этнографических сессиях секции создаются не по регионам, как было прежде (восточные славяне, Кавказ, Средняя Азия, Прибалтика и пр.), а по проблемам (этногенез, современные этнические процессы, семейный быт, обрядность и пр.). Очевидно, и вузовская этнография должна перестраиваться по проблемному принципу.

Этностатистику, этнодемографию, этническую географию и пр. следует изучать на кафедре не как отдельные предметы, а применительно и в связи с актуальными проблемами современной этнографии, например исследованием современных этнических процессов.

Студенты перегружены потоком информации. Тенденция к увеличению числа лекций, явно прослеживаемая и в статье В. В. Пименова, может лишь отрицательно сказаться на учебном процессе. Думается, что правильнее стимулировать самостоятельную работу студентов по индивидуальным планам.

Статья В. В. Пименова фактически посвящена этнографическим проблемам МГУ. В ней мало говорится об этнографическом образовании в вузах союзных республик. Между тем в университетах союзных республик накоплен весьма интересный опыт, совершенствование которого тормозится тем, что этнографию «на периферии» все еще нередко рассматривают как науку, обращенную в прошлое, не способную решать актуальные проблемы современности.

Нам представляется, что, если уж нельзя создать кафедры этнографии или добиться этнографической специализации студентов хотя бы в столичных университетах союзных республик (о чем неоднократно принимались решения на этнографических форумах), следует по крайней мере унифицировать объем и теоретическую нагрузку курса «Основы этнографии» на исторических факультетах.

С другой стороны, в работе этнографов каждой союзной республики важное место должно занять всестороннее изучение культуры и быта ее населения, прежде всего социалистических преобразований в культуре, использования прогрессивных национальных традиций в практике социалистического строительства. Вне сомнения, в региональных вузах должен читаться курс этнографии по каждой советской республике. При этом следует уделять внимание всем этническим общностям данной республики. Мы заносим в Красную книгу исчезающие растения и животных, но не всегда бережно относимся к культурным достижениям народов нашей страны.

Поставленные в статье В. В. Пименова вопросы трудно решать во всесоюзном масштабе, поскольку в большинстве университетов страны отсутствуют как кафедры этнографии, так и специализация студентов по этнографии. Это, к сожалению, относится и к вузам Украинской ССР, на территории которой живет пятая часть населения страны. Стоит сказать, что в ведущем этнографическом центре республики — Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР и его филиале — Львовском музее этнографии и художественного промысла работает всего только один сотрудник, имеющий этнографическое образование, а в многочисленных музеях республики, в том числе этнографических скансенах, — ни одного.

Больше того, в последние годы постоянно сокращаются курсы лекций по основам этнографии. Трудно объяснить, почему в Карагандинском университете лекции по общей этнографии читаются весь учебный год, проводится 24-часовой семинар по «Методике полевых этнографических исследований», а для студентов-историков стационарного отделения Киевского университета выделено только 32 часа лекционного курса при полном отсутствии семинарских занятий. Думается, что Минвуз СССР должен установить единый для всех университетов объем часов для лекций и практических занятий по этому важнейшему курсу, обеспечивающему общую этнографическую подготовку.

Есть еще обстоятельство, на которое справедливо обращено внимание в статье В. В. Пименова. Имеется в виду значительный разрыв между планированием подготовки специалистов-этнографов и тем, сколько их требуется для развития образования, культуры, народного хозяйства. Мы говорим о дефиците этнографов. Почему же тогда окончившие кафедру этнографии не могут найти работу по специальности? Очевидно, имеет место, с одной стороны, несоответствие между планами подготовки специалистов и их реализацией, с другой — университет, кафедра еще не работают на «конечный результат»: вуз должен не только воспитать квалифицированного этнографа, но и обеспечить его работой по специальности.

По мнению самих студентов, ничто не сказывается так отрицательно на учебном процессе, как то, что они не знают, где и кем будут работать после окончания вуза, т. е. опять-таки не ясен «конечный результат» обучения.

Ликвидировать этот пробел можно, на наш взгляд, лишь путем приближения вуза к жизни, установления подлинно творческих связей между вузовской этнографией и теми учреждениями, где будут работать будущие специалисты, — академическими институтами, музеями и т. д. Они должны «идти в одной упряжке». Связи с этими учреждениями, как представляется, должна устанавливать сама кафедра. Предложение о создании какого-то нового управленческого учреждения типа предлагаемой в статье Всесоюзной государственной этнографической службы выглядит сомнительным. Сейчас во всех сферах народного хозяйства ищут сокращения путей между производством и потребителем. ВГЭС будет еще одним «министерством» в министерстве.

Необходимо совершенствование связей между университетами, академическими и другими этнографическими учреждениями. Пока они осуществляются лишь по линии договоров о сотрудничестве, которые нередко выполняются весьма формально. Подготовка специалистов должна проводиться не столько через аспирантуру Академии наук, сколько путем стажировки студентов в ака-

демических институтах, участии их в научно-исследовательской работе. Стажировку следует проводить дифференцированно в зависимости от научных интересов студента, по крайней мере дважды, после третьего и четвертого курсов.

После «апробации» студентов в академических или других учреждениях, где они проходили практику, в зависимости от их способностей и производственной характеристики кафедра определит в какой сфере деятельности (научной, культурно-просветительной или педагогической) целесообразнее использовать молодого специалиста. С другой стороны, академические учреждения или музеи будут брать на работу людей, прошедших их «школу», уменьшится и среди студентов число ошибок в выборе профессии.

Очевидно, следует расширить возможности целевой подготовки специалистов для Академии наук из числа наиболее способных к научной работе студентов, разработав совместно с кафедрой индивидуальные планы их подготовки в соответствии с их интересами. Это позволит по крайней мере избавиться от явления, с которым мы сейчас повсеместно встречаемся: только попав в академический институт, молодой специалист или аспирант начинает знакомиться с научной проблематикой учреждения. Целевая подготовка студентов университетов для различных предприятий широко практикуется во многих странах. Например, в США, где стипендии студенты, как правило, не получают, некоторые фирмы, заинтересованные в подготовке специалистов, выделяют студентам стипендии и оплачивают расходы на их обучение.

Признавая сложность сопоставления советской и зарубежной системы подготовки специалистов, нельзя все же отрицать эффективность целевой подготовки. Почему бы не использовать лучшее? В. И. Ленин писал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ -социализм»¹.

На стажировку в академические учреждения следует направлять только студентов, проявивших способности к научной работе, другие могут проходить практику в музеях или в архивах. Например, студенты, изучающие материальную культуру, могли бы стажироваться в этнографических музеях, этнопсихологию — в Институте психологии и т. д.

Кафедра собственными силами не может обеспечить учебный процесс и научную работу по всем актуальным направлениям. В этом плане привлечение других учреждений чрезвычайно важно для руководства конкретными исследовательскими работами студентов (написание курсовых проектов, дипломных работ, конкурсы научных работ).

Вне сомнения, укрепления требуют и творческие контакты между этнографами различных вузов. Они могут осуществляться в разных формах: чтение курсов лекций в других вузах по актуальным проблемам, участие студентов в совместных этнографических экспедициях, координация научной работы, совместная подготовка учебных пособий.

Есть еще один аспект работы вузовских этнографов — их участие в просветительской и популяризаторской работе среди молодежи. Будучи на Всесоюзной этнографической сессии в Омске в мае 1987 г., ее участники воочию убедились в широких возможностях и плодотворных результатах такой деятельности, осуществляемой омскими этнографами среди школьников.

В. И. Наулко

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 550.

ОТ РЕДАКЦИИ

Репликами Л. П. Лашука и В. И. Наулко заканчивается дискуссия по статье В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа. Проблемы перестройки» («Сов. этнография», 1988, № 3, № 4, № 6). Обсуждению подвергся один из весьма актуальных вопросов, которого мы не касались до сих пор на страницах нашего журнала. Участники дискуссии единодушно высказали мнение о повышении роли этнографии в развернувшейся в нашей стране перестройке — в развитии экономики с учетом национальных особенностей регионов, в регулировании национальных отношений, в совершенствовании национальных связей и т. д. Исходя из этого в некоторых выступлениях прозвучала мысль о необходимости расширения этнографического образования, начиная со средней школы, привлечения населения к краеведческой работе (Н. А. Томилов) и т. д.

Между тем, даже объем и содержание курсов на разных кафедрах этнографии абсолютно неравноценны. В некоторых выступлениях говорится о целесообразности создания общего центра, задачей которого стала бы разработка единообразной системы обучения этнографов. В большинстве откликов признавалась необходимость положить в основу современной системы этнографического образования рациональное сочетание курсов по исторической этнографии и этнографии современности. При этом во главу угла ставилась необходимость воспитать теоретическое мышление студента и привить ему умение самостоятельно ориентироваться в источниках и научной литературе. Авторы большинства откликов считают, что для решения этих задач совсем не обязательно расширить тематику лекционных курсов и семинарских занятий.

Этнограф должен овладеть современной методикой полевых исследований (включая и формализованный опрос) и их обработку (включая обработку данных на ЭВМ).

Расхождения преимущественно относились к объему и соотношению тех или иных курсов, а отсюда и учебных планов, принятых в разных университетах страны.

К сожалению, участники дискуссии почти не коснулись актуального вопроса о роли этнографических курсов в системе образования специалистов по родственным этнографии дисциплинам — историков, археологов, искусствоведов, географов и т. п.

Представляется также важным сказать о необходимости расширения этнографических знаний советских и партийных работников, а также всех, кто по роду своей деятельности связан не только с зарубежными странами, но и с проблемами межнациональных отношений в нашей стране.